Текст · 25 февраля 2026, 23:07
Елизавета Нестерова, Софья Крылова,

«Акт ненависти к тем, кто еще может жевать зубами и вести половую жизнь». Обвиняемые по делу «Весны» выступили с последним словом

В Санкт-Петербургском городском суде с последним словом выступили обвиняемые по делу «Весны» — бывшие активисты молодежного движения, история которого началась больше 10 лет назад с веселых театрализованных акций и закончилась статусом «экстремистской организации» и запретом в 2022-м.

Шестеро обвиняемых уже провели по 2,5 года под арестом. Больше года суд рассматривает дело, возбужденное по статьям об участии в экстремистской организации[1], публичных призывах против безопасности государства[2], распространении военных «фейков»[3] и склонении к массовым беспорядкам[4], а также оскорблении памяти защитников Отечества[5].

Позавчера, 24 февраля, прокуратура запросила сроки — от 8 до 13 лет колонии.

Ожидалось, что заседания по делу продолжатся всю неделю, но судья Ирина Фурманова внезапно потребовала, чтобы подсудимые выступили с последним словом в среду вечером — хотя в суде уже закончился рабочий день.

«Медиазона» публикует их речи дословно.

1. Статья 282.1 УК.
2. Статья 280.4 УК.
3. Статья 207.3 УК.
4. Статья 212 УК.
5. Статья 354.1 УК.

Василий Неустроев

Обвинение запросило 12 лет и 1 миллион рублей штрафа

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

Раз уж мне предоставлена возможность выступить с последним словом, то в первую очередь я хотел бы поблагодарить всех оказывавших мне поддержку за последние более чем два с половиной года. Все то время, что длится это безумное, показательно абсурдное дело.

Я благодарю свою семью за стойкость и понимание. Благодарю защитников за настойчивость и мужество. Благодарю своих однопартийцев — коллег по партии «Яблоко» — за проявленную солидарность. Благодарю своих друзей и товарищей, а равно и ранее не знакомых мне людей — всех, кто присылал слова поддержки, помогал как-либо иначе или просто мысленно был вместе. Благодарю всех, кто знает, на чьей стороне правда.

Теперь, собственно, к делу. Есть три источника и три составные части современной европейской цивилизации: классическая античность, христианская вера и широко понимаемые идеи эпохи Просвещения. Античная этика и эстетика, христианские любовь и милосердие, нововременные индивидуализм и рационализм. Вот тот фундамент, на котором основывается Европа. И все эти фундаментальные ценности имеют общую направленность — все они направлены на человека и его свободу.

Исторический процесс можно рассматривать под разными углами, в том числе, и как постепенную, поступательную борьбу за свободу. И в этой борьбе фундаментальные ценности европейской цивилизации являются мощным союзником всех сил, выступающих на стороне свободы и гуманизма.

Но авторитаризм не дремлет и из раза в раз подвергает все эти ценности сомнению и извращению. Так, эстетика превращается в исключительность, любовь — в фанатизм, рационализм — в целесообразность. Этика уступает беспринципности, милосердие отступает перед

жестокостью, здоровый индивидуализм — это основа прав человека — риторически отвергается в пользу прожженого коллективизма, на деле же заменяется индивидуальными интересами автократов.

Это противоречие, эта дихотомия, эта борьба свободы и несвободы будет с нами всегда. И нужно уметь сделать правильный выбор. Более двух с половиной тысяч лет назад, в VI веке до нашей эры в Афинах законодатель Солон, видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило, издал относительно них особый закон: кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других — тот предается бесчестию и лишается гражданских прав.

Нет, никто сейчас не призывает вставать с оружием в руках и строить баррикады. Не дай бог. Но это образец того, что древние вкладывали в понятие гражданина, отличая гражданственность и от безразличия, и от холуйства. И постулируя: безучастным быть нельзя.

Надо также помнить, что несвобода принимает разные формы и искушает нас по-разному. В Евангелии сказано: опять берет дьявол Иисуса «на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи[1]». А Бог, как известно, есть любовь. А там, где любовь, разве может быть несвобода?

И еще одна цитата. Из более близкого нам и, в целом, аполитичного автора: «Никто не имеет морального права побуждать заключенного к бунту, никто не имеет морального права требовать от человека отваги и гражданской смелости. Никто не может сделать выбора за вас. И все-таки сделать его необходимо[2]».

Это написал Довлатов.

Россия безусловно является частью европейской цивилизации, частью большой Европы. Нам хорошо известны все гуманистические ценности и слишком хорошо известны последствия их полного извращения. Очередной период извращения понятий, очередной период отката свободы и подъем авторитаризма мы переживаем прямо сейчас.

Но весь ход истории является доказательством того, что свобода победит. Она не может не победить. И каждый из нас в силах способствовать этой победе, не оставаясь безучастным, не поддаваясь искушениям и сделав столь сложный, но необходимый выбор в своем сердце. И чем скорее мы станем свободными внутри себя, тем скорее обретем и истинную политическую свободу.

Россия сильная, Россия переживет всех тиранов и диктаторов, как уже делала это раньше. Я знаю, Россия будет мирной, Россия будет счастливой, Россия будет свободной. И мы все вместе с ней.

Ян Ксенжепольский

Обвинение запросило 12 лет и 1 миллион рублей штрафа

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

На протяжении всего судебного процесса я доказывал — вернее, сторона защиты доказывала, — что я не причастен к вменяемому мне преступлению. Не говоря уже, что данное уголовное дело, на мой непрофессиональный взгляд, противоречит как праву, так и здравому смыслу.

Говоря про него. Уголовное дело наполнено чудовищным количеством грубейших ошибок и массой вольностей. Мне кажется, что нужно обозначить самое главное — его суть.

Я утверждал, утверждаю и буду утверждать, что все наше дело политическое и служит одной цели — стать наглядной демонстрацией для всей молодежи: заниматься политической деятельностью без отмашки сверху нельзя. А желательно, чтобы отмашка шла напрямую из Администрации президента. Или просто [наше дело является] актом ненависти к тем, кто еще может жевать своими зубами и вести активную половую жизнь.

У некоторых по результатам заседаний могло сложиться неправильное мнение, что я согласен со всем происходящим в нашей стране или, по крайней мере, не возражаю, а в нашем деле я оказался

случайно. Последнее, действительно, правда. Но латентным лоялистом я не был и становиться им не собираюсь. С линией партии и правительства я не согласен был и так и остаюсь.

Однако с методами «Весны» я также несогласен. Я действительно не участвовал в деятельности движения «Весна». Движении против маленькой победоносной «специальной военной операции». Я не выходил и не призывал выходить на митинги, так как прекрасно знаю современную историю России и что подобные активности заканчиваются лишь массовыми задержаниями и уголовными делами.

Я не писал и не публиковал посты, содержание которых вызывает у меня множество вопросов и отвращение со стилистической точки зрения, за исключением небольшого количества.

Разумеется, я не знаю, кто такой Каноки Нагато-[3] и является ли он членом движения. В отличие от следствия, не сумевшего установить личность данного пользователя, но точно знающего, что он — активист «Весны».

Можно посвятить целую лекцию, до чего нашу страну довели действующие политические управленцы во главе с Несменяемым: это экономические проблемы, нашедшие отражение в увеличении налоговой нагрузки, увеличении дефицита бюджета, уменьшении Фонда национального благосостояния, который с такой заботой создавал господин Кудрин, и прочие «успехи» — «успехи», разумеется, в кавычках — нашей экономики. Но в этом нет никакого смысла,

так как это видит сегодня каждый, приходящий в магазин и смотрящий на ценник.

На самом деле, главное — люди. Даже по официальным данным, озвученным еще Шойгу в далеком сентябре 2022 года, в Россию прибыло около шести тысяч цинковых гробов. То есть на сегодняшний день можно смело предположить, что мы потеряли больше людей, чем в Афганистане за десять лет. Каковы потери на самом деле — я представить боюсь.

И все это с учетом и так не самой оптимистичной демографической ситуации у нас в стране. Кстати, к вопросу об эффективности государства... Держать в заключении нас — вместо того, чтобы дать нам возможность создать семьи.

Сегодня, как и всегда, я поеду в СИЗО и уже, поверьте, буду спать спокойно, ведь совесть моя чиста. Как и еще у четверых людей по эту сторону стекла. Я не нарушал закона, хотя даже законом это назвать нельзя, так как он несправедлив, тут я полностью согласен с блаженным Августином[4].

Как и другой христианин и политический заключенный, я добровольно принимаю наказание и делаю это с любовью и гордостью, оставаясь в тюрьме, чтобы побудить общество к осознанию несправедливости происходящего, выражая тем самым высочайшее уважение к закону. И делаю это, подчеркну, добровольно.

Понимая все риски и возможности, я не уезжал из России. Я — российский политик, а политикой в

условиях СВО возможно заниматься только внутри страны. Просто берешь и садишься в тюрьму — личным примером показываешь, что ты не признаешь то, что нынешняя власть называет законом.

Я понимаю, какое будет итоговое решение по нашему делу. Ведь *dura lex, sed lex*[5] — закон суров, но это закон. В любом случае я знаю, что в конечном итоге мы будем оправданы в глазах общества, истории и последнего Суда. Да и в конце концов, это все было навсегда, пока не кончилось.[6]

И этот режим закончится — и что-то мне подсказывает, при наших жизнях. А если нет, то Царствие Небесное — неплохой утешительный приз.

Обвиняемые по делу «Весны» в суде 25 февраля 2026 года. Слева Евгений Затеев. Фото: @courtroomeyes / Telegram

Евгений Затеев

Обвинение запросило 10 лет

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

Ваша честь, уважаемые участники процесса, все эти годы я говорил, говорил о своей невиновности, об

интересе к политике и что [это] не преступление, даже если она не совпадает с политикой Владимира Путина. Говорил о своей семье, о маме и бабушке, которых я больше никогда не увижу. Говорил о своей любви к России, и я доказал эту любовь делом — я не уехал, чтобы откуда-то из-за кордона критиковать.

Нет, я остался и я не жалею о своем выборе. Однако четыре года я говорю и за это время я устал. Что толку говорить о снисхождении, милосердии, понимании? Этой системе эти слова неизвестны. Что хорошо услышать в проповеди от патриарха на очередном пиар-выходе перед камерами на Рождество или Пасху, совершенно невозможно применить по отношению к своему врагу. Ведь вера у наших правителей — вещь, скорее, декларативная, чем реализуемая.

Гораздо важнее постулат Горького: «Если враг не сдается — его уничтожают».

То, что я враг, доказывает запрос в десять лет. Серьезно, тут собрались юристы с огромным опытом. Не одно дело прошло перед вами. И вы всерьез верите, что моя вина якобы доказана? Кем, чем? Материалами дела?

Где хоть одна бумажка о моих распоряжениях, моих подчиненных? Где хоть одно показание, что я кого-то куда-то посылал что-то делать? Что доказывает, что я руководитель структурного подразделения экстремистского сообщества? Я уже не говорю, что самого «экстремистского сообщества» нет в природе. Это юридическая фикция.

Все это фиговый листок законности, прикрывающий вранье, политические репрессии и приспособленчество. Спустили задание — выполняйте, иначе система перемелет в муку. А кому хочется терять привилегии — высокую зарплату, неприкосновенность, соцпакет?

Вот и получается, что ради сохранения своего статуса можно отправлять в колонию невиновных людей. А что еще печальнее — отправлять молодежь, будущее нашей страны. Я — будущее нашей страны. И мы — будущее.

Но безумные попытки остановить время, держась синеющими пальцами за кресло, историю, власть и жизнь порождают только войну, разрушения и забвение. Вот что на самом деле ждет любого диктатора. Именно этого они и боятся.

Вот и результат: четыре года бездарной войны, тысячи разрушенных жизней, домов. Экономическая, промышленная, культурная отсталость. Изоляция. Сколько вдов, сирот. Моральных и физических калек. Я был и остаюсь против этой войны. Тем интереснее наблюдать за увиливаниями властей в попытках не договариваться путем договора. В конце концов война закончится, а будущее покажет, что я был прав, к сожалению.

Пожалуй, единственной серьезной ошибкой на моем пути я готов признать свои показания — данные на следствии, конечно. Я уже не раз публично говорил об этом, хочу поставить точку.

Я верил, что это следствие проявит гибкость и на моем примере покажет, что есть иной путь. Конечно, я хотел домой к семье. Ведь я знал, что мой арест очень сильно ударил по ним. Но следствие не умеет размышлять стратегически. А ведь если оставить за скобками идеологические рамки, как все просто было? Сотни человек увидели бы, что есть путь, по которому пройдя, можно и домашний арест получить. А для суда все еще проще. Признательные показания — это ведь царица доказательств.

Однако следствие не проявило этой гибкости, а я почти сразу начал осознавать, какую глупость сделал — поверил в какое-то снисхождение. Ведь в январе 2024-го и мае 2024-го следствие могло, и я утверждаю, могло, опять же проявить банальное человеческое понимание и организовать мою поездку на прощание с мамой и бабушкой[7].

Я ведь знаю такие прецеденты. Но нет, ничего человеческого по отношению к врагу.

Конечно, Ваша честь, вы будете считать, что я таким образом пытаюсь уйти от ответственности. Дело не в том, естественно. Я отказываюсь от своих показаний, потому что меня учили не врать. Если бы я действительно хотел уйти от пресловутой ответственности, я не признал бы вину на следствии, чтобы уже в суде все признать.

Хотя, опять же, о какой ответственности может идти речь в абсолютно политически мотивированном деле? О каком милосердии? Это чуждое слово для государства, которое методично строил Владимир Путин все эти годы. А суд согласится со всем, что

сказало обвинение и написало следствие в своем заключении. СК же фигни не скажет, цитируя материалы дела.

Но что-то внутри меня очень хочет, чтобы я произнес следующие слова — совесть, нравственный долг, а может девиз, который всегда был мне близок: «Давайте строить мосты, а не стены».

Поэтому я прощаю вас, Ваша честь, и вас, представители гособвинения. Я прощаю следователей, оперативников, судей других судов. Я прощаю всех, кто нарочно или нет причинил мне зло. За все, что было сказано или сделано. За все зло, ненависть, лицемерие. Я прощаю всех ради памяти моей мамы и бабушки. Я надеюсь, что теперь я смогу жить дальше. Конечно, помня, но без боли, а с благодарностью.

И да, кто-то может сказать, что прощение не раскаивающихся в своем зле только усиливает его. Возможно. Возможно и другое. Вся та ненависть, злость, обиды, желание сильнейшего унижения и ложь идут от того непрощения, в котором мы живем. Я считал и считаю прощение своего рода прививкой от ненависти.

Поэтому я готов прощать. Сколько можно в нашей стране жить в ненависти? Сколько еще нужно смертей, боли, разделений, чтобы понять? Если ты не делаешь первый шаг на пути к искоренению зла, то никто его не делает. И это непростая, полная ошибок, стоящая невероятного труда дорога начинается с моего первого шага. Но он того стоит. А готовы ли вы?

Предостерегаю от ложной уверенности, что прощение снимает ответственность — она будет. Однако я считаю, что путем прощения можно понять причины происходящего — из-за чего и для чего. Очистившись от векового зла, научившись с пониманием относиться друг к другу, обрести наконец любовь.

Я верю, что в России это возможно и даже неизбежно. Неизбежна весна. Как время года, конечно. А вы о чем подумали?

Перед завершением своего последнего слова я хочу выразить благодарность. Спасибо моей дорогой жене, которая все это время была рядом. Я знаю, как ты устала, однако верю, что все будет хорошо, ведь у меня есть ты. Спасибо моей семье за поддержку, несмотря на мой порой отвратительный характер. Я вернусь.

Спасибо адвокатам, которые оказывали мне юридическую, а порой и психологическую поддержку на этом долгом пути. Спасибо вам, Анастасия Владимировна[8], за профессионализм, ответственность, утонченность и вкус к нормальным стихам. Коллеги Анастасии Владимировны, спасибо и вам всем за солидарность и добрые слова.

Коллеги Анна, Ян, Василий, Павел, спасибо за советы, беседы и терпение — к моей болтливости и громкости в особенности. Валентин, спасибо, что в очередной раз показал мне, как важно хранить, действительно важно...

Вам, Ваша честь, государственный обвинитель, тоже спасибо за закаляющий опыт. Пригодится, я уверен.

Все, кто присутствовал в зале, кто читал онлайны, спасибо за присутствие и поддержку, это важно — когда не забывают. И конвою с приставами спасибо за ваш профессионализм.

И напоследок. Как-то раз еще в самом начале дела оперативник по нашему делу как-то сказал мне, что все это он делает ради очень близкой и понятной мне цели: чтобы на голову его сограждан не падали бомбы, чтобы его дети спокойно ходили в школу, чтобы в целом спокойно жилось. Я тогда и не догадался его спросить, как же мой арест на это повлияет и приближает эти цели.

Теперь я обращаюсь к вам, Ваша честь. Позади четыре года войны, почти четыре из которых я под уголовным преследованием. И вы знаете, через что я прошел. Неужели я действительно заслуживаю десяти лет в колонии общего режима? Неужели с моим осуждением все изменится в обществе? Неужели моя изоляция от семьи и друзей так необходима?

Впрочем, Ваша честь, делайте свое дело. Я свое сделал.

Павел Синельников

Обвинение запросило 10 лет

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

Уважаемый суд! Я даже не знаю, что сказать, всерьез рассуждать о деле я не берусь. Мой адвокат сделал это в прениях гораздо лучше, чем мог бы я при всем желании. Да и я боюсь, если б я решил во всем этом подробно разобраться, я бы просто сошел с ума от этого абсурда — кланяюсь своему адвокату. На протяжении всего процесса мы — ну, большей частью адвокат, конечно — старались юридическими, законными, логическими средствами доказать невиновность — именно так, доказать невиновность — в политическим мотивированном обвинении. Порой создавалось впечатление — особенно когда разбирали экспертизы — что мы с точки зрения науки пытаемся опровергнуть гороскоп. Вот эксперт-астролог обвинения говорит: Венера в Раке, надо сеять клевер. Как это связано? А вот мы не уверены, что Венера в Раке, и вообще, — говорит наш специалист-агроном, — неважно, хоть в Раке, хоть на хромой собаке, это никак не связано. Пытаемся допросить его, чтоб он нам рассказал про севооборот, а нам говорят: нельзя астрологическое заключение опровергать агрономическим. Ну ладно.

Раз уж обвинение политически мотивированное, то и эту трибуну следует использовать для политических заявлений. Однако я вот даже не знаю, что сказать. А зачем что-то говорить? Всем и так все ясно, как в одном советском анекдоте про пустые листовки.

Да и к тому же сижу я за политическое высказывание, точнее не за то, что я что-то высказывал, а за то, что я был с ним согласен. А значит, с чем-то не согласен — а это уже, по Оруэллу, мыслепреступление. Да, всем и так все ясно, несмотря на навязываемое двоемыслие. И, цитируя еще одного английского классика, роза

пахнет розой, хоть розой ее не назови[9] — хотя тут, скорее, другой запашок: дух Анкориджа.

Можно, конечно, рассказать о том, что было. Но как это возможно? Какими словами выразить за эти пять минут, десять минут то, что длилось почти три года — весь этот абсурд, боль, страх, отчаяние, несправедливость. Я наверное потому и не сошел с ума, что все это длилось три года, а не свалилось на меня сразу. Да даже если бы свалилось сразу, потом была бы куча времени безо всего этого, когда можно просто отдохнуть. У меня же отдыха не было.

Впрочем, я благодарен судьбе даже за этот опыт — то, что нас не убивает, делает нас сильными[10]. На свободе я не видел никаких хороших перспектив происходящего, поэтому никак не старался, да и вообще хотел максимально отупеть. Сейчас я тоже ничего хорошего не вижу, но зато знаю, что важно, чем действительно стоит заниматься, что надо делать — надо сберечь себя, своих близких, учиться работать и помогать людям. Это банально, но так.

Говорят, нас хотят захватить, забрать наши ресурсы, уничтожить нас. Может, это и так, но угроза эта исходит не снаружи, а … Однако об этом уже сказано довольно.

Наконец, завершился этот ненавистный процесс. Ненавистный потому, что экстремистский. Ведь экстремизм это ненависть или что? Почти три года сужусь, а так до сих пор не знаю, что это такое, экстремизм. За это время данное понятие сильно расширилось. По радио, например, говорят про «потребительский экстремизм» — хотя я не

слышал, чтобы за это сажали. Не говорю уж о разоблачении самой крупной в мире международной организации, представители которой есть, я не сомневаюсь, в каждой стране мира. Не стоит даже говорить, серьезная контора. Я не рискну вслух ее здесь называть — я думаю, и так уже все поняли, о чем это я[11]. Да, после всего этого понятие экстремизма облезло, пожухло, превратилось в фарс, и стоит его просто выкинуть на помойку.

Так в чем же меня обвиняют? В том, что я писал протоколы, вел список участников по мотивам ненависти или вражды, или еще вот в молчаливом согласии. То есть меня обвиняют, что я бездействовал по мотивам ненависти или вражды. Значит, что действовал, что бездействовал, неважно — виновен. Это странная формула. Ненависть — слишком сильное чувство, чтобы просто писать протоколы, а уж тем более бездействовать. Скорее хочется взрывать бомбы — ну или как минимум писать протоколы, где отчитываются о том, сколько бомб взорвали в прошедшем месяце, сколько планируют в предстоящем.

На самом деле ничего этого не было. Не было никакого преступного экстремистского сообщества. Никто не планировал никаких преступлений, никаких общественно-опасных действий не было, и никаких общественно-опасных последствий не было тоже. Не было нанесено никакого ущерба ни обществу, ни общественным интересам. Не было даже таких мотивов и намерений. И за это я заслужил десять лет?

Прошу постановить оправдательный приговор. У меня все, спасибо.

Обвиняемые по делу «Весны» в суде 25 февраля 2026 года. В центре Анна Архипова. Фото: @courtroomeyes / Telegram

Анна Архипова

Обвинение запросило 13 лет и 1 миллион рублей штрафа

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

Прежде всего я хотела бы также поблагодарить всех участников процесса — прокуратуру, суд, секретаря, конвой, защитников, слушателей и, конечно, в первую очередь, самых замечательных на свете экстремистов. Ребят, я вас очень сильно люблю, спасибо, что вы были рядом! Спасибо вам огромное за все.

В нашем деле самым тяжелым для меня является обвинение в политической ненависти. Нет ни одного человека, которого я бы ненавидела. Но даже тех, кто мне не нравится, можно сосчитать по пальцам. Это чувство мне максимально несвойственно, ведь в каждом человеке я стараюсь находить что-то хорошее — даже в самом отъявленном негодяе найду. Это чистая правда: я просто не способна на ненависть,

так как с детства выучила, что ненависть — залог страданий. Спасибо «Звездным войнам».

Моя мотивация проста — я против войны. Я хочу лучшего будущего для России. Всю жизнь я стараюсь действовать в соответствии со своей совестью, хотя это и не всегда получается. Когда началась война, именно совесть не позволила мне остаться в стороне. Люди по обе стороны границы заслуживают мира, солдаты должны быть со своими семьями, а не в блиндажах, погибшие должны были жить. Мне одинаково больно за всех, вне зависимости от формы.

Вчера во время прений Андрей Вениаминович[12] выразил мнение, что я, в отличие от остальных подсудимых, не подлежу призыву. Да, это так, но я проходила военно-врачебную комиссию, я проходила тесты на профпригодность и я рискну предположить, что в военкомате я провела больше времени, чем вы, молодые люди. Я готовилась к поступлению в военный университет десять лет назад.

И случилось событие, случился разговор, который, пожалуй, переменил всю мою жизнь и который, возможно, в конечном итоге он меня сюда и привел, на эту скамью подсудимых. У нас в гостях была мамина подруга с мужем, мы с мужем общались, и он спросил, куда я хочу поступать. Этот человек, которого я знаю с детства, который всегда казался мне местами суровым, местами жестким, местами даже грубым. Я сообщила ему о своем намерении, и этот человек буквально по щелчку переменился и просто начал плакать. Оказалось, что он воевал в Чечне. Оказалось, что пуля, отправленная в него, она все еще летит. Он рассказал мне, как из тех ребят, с

которыми он отправлялся, не вернулась половина, как он матерям рассказывал, как погибли их сыновья. Он чуть ли не кричал на меня и сквозь слезы говорил: «Дура что ли, а что, если война будет, подумай о матери!». Я думала: «Да какая война?». Ну вот, теперь мы здесь...

И с того самого момента я не приемлю военные действия, потому что я видела, к чему это может привести — что даже выживший человек, который вернулся домой, в каком-то смысле остается там.

Война идет уже четыре года, и больше всего на свете я хочу, чтобы она закончилась. Каждый день, каждый час я смотрю новости и надеюсь: «А вдруг сегодня?». Но сегодня все не наступает, как не наступает и справедливость по нашему делу. Наверное, в день оглашения приговора я тоже буду думать: «А вдруг?».

Прокуратура запросила для меня 13 лет лишения свободы, попутно даже назвав нас осужденными. Замечательная оговорка, демонстрирующая, что по сути у нас действует презумпция виновности и уже с момента задержания человек считается преступником, хоть это и не было доказано. Для дела, в котором нет ни потерпевших, ни ущерба, это огромный срок. Я знаю людей, совершивших убийство, чей приговор был меньше в два раза. Видимо, критика действий властей куда более страшное преступление. Видимо, выступать против убийств гораздо хуже, чем их совершать.

Почти три года мы находимся в заключении по голословному обвинению лишь за эту самую критику. Никаких существенных доказательство

нашей вины так и не было представлено. Ситуация: я сидел, меня судили, а за что — непонятно...

Уважаемые участники процесса и слушатели!
С коллегами по обвинению — вот они
слева направо — мы договорились обойтись в последнем слове, выражаясь языком молодежного демократического движения, без кринжа. Однако, решением федерального координационного совета фигурантов дела «Весны» мне было позволено рассказать анекдот. Собирает мама сына в школу и дает ему хлеб, колбасу и гвозди. Сын спрашивает: «Мам, для чего все это?». Она ему говорит: «Ну что ты, сынок, берешь колбасу, кладешь на хлеб, вот тебе и бутерброд» — «А гвозди?» — «Так вот же они!».

Пока все мысленно заливаются смехом, я объясню,
к чему это. Этот анекдот похож на наше
дело. Вместо логики абсурд. Все настолько плохо,
что непонятно, то ли смеяться, то ли плакать.
Наше дело — это сплошная подмена понятий.
Выступали против арестов за мнимый экстремизм — значит, являются экстремистами и должны быть арестованы. Выступали в защиту памяти ветеранов — следовательно, оскорбили. Активно продвигали идеи ненасилия — а значит, планировали насильственные свержение власти. Мне хочется верить, что суд разберется и вынесет справедливый вердикт и невиновные люди наконец-то обретут свободу. Однако, как сказал в июле один из подсудимых[13], в конце концов, важно не то, как было на самом деле, а то, как следователь написал.

Я уверена, что если не сейчас, то в будущем наша невиновность будет полностью доказана.

Спасибо за все. Да пребудет с вами Сила!

Валентин Хорошенин

Обвинение запросило 8 лет. Хорошенин — единственный, кто признал вину и дал показания против других обвиняемых

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

Уважаемый суд, хотел быть максимально кратким, но выскажусь более развернуто.

При оценке моих показаний прошу суд разделить оценку, данную моим защитником Колгановой Еленой Хамидовной.

Слушал выступления попутчиков по стороне защиты, и прямо из меня какого-то Лунтика нарисовали.

Обращу внимание госпожи Шереметьевой[14] и

госпожи Архиповой на неуместность их сноски на отбытие мной административного ареста в конце февраля-в марте 2022 года.

Арест не отменяет моей информированности о выходивших постах, как и знаний о процедуре выпуска контента.

Обращу внимание на том 88-й, листы дела с 202 по 244, согласно которым доступ к социальным сетям Санкт-Петербургского отделения имелся у Анны Николаевны Архиповой и у Евгения Артемовича Затеева, о чем я был информирован, будучи региональным координатором.

Что же касается постов после избрания мне меры пресечения в виде запрета определенных действий, то, каюсь, грешен, не просто так в июне 2023 года у меня был изъят роутер, и поэтому с мая 2022 года и далее я знал о содержимом каналов, которые у нас содержатся в материалах дела.

Также обращу внимание госпожи Кузнецовой[15] на злосчастный комментарий Каноки Нагато и предложу ей мысленный эксперимент.

Если на ее дачном участке появится рекламный щит с вербовкой в террористы, которых она так любит защищать, как быстро она его демонтирует?

А еще не стоит отмалчиваться.

Напомню о том, что я был в международной комиссии, как и Василий Петрович[16], и напоминаю о его активностях, которые оценил Александр Кашеваров[17] как активности единственного живого человека в международной комиссии в соответствии с томом 69-м, листом 49-м, а также о командировках

в Софию и Лондон, том 46, лист дела 131-й и том 47, лист дела 3-й, соответственно.

Ну, а теперь, ответив реверансам, которые услышал, перехожу к последнему слову оригинальному.

И, уважаемый суд, ошибки своей биографии стереть невозможно.

Но что точно реально, так это извлечь жизненный опыт и переосмыслить былые деструктивные действия и составляющие мировоззрения.

Полагаю, что без производства по настоящему делу это переосмысление у меня бы припозднилось.

Постепенно ушло высокомерное отношение к закону, были оставлены попытки отмолчаться и отсидеться, как и желание быть для всех хорошим.

Также за ошибки никогда не поздно принести извинения и никогда не будет лишним сделать это повторно, в связи с чем вновь прошу прощения перед обществом и в особенности перед своими родными.

Прошу суд при вынесении итогового решения по делу проявить милосердие и позволить мне вернуться к нормальной жизни для конструктивной самореализации на благо общества. Спасибо.

При участии Мики Голубовского

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Мф. 4:8-10.

2. Цитата из эссе 1984 года «From USA with Love».

3. Ник пользователя, оставившего в одном из телеграм-чатов «Весны» комментарий с предложением «мочить мусоров, как на Майдане украинцы». Акт осмотра этого комментария от 1 марта 2022 года лег в основу дела «Весны».

4. Один из самых влиятельных христианских мыслителей, Августин (354–430 н. э.) в трактате «О граде Божьем» писал, что только идея справедливости отличает государство от шайки разбойников.

5. Лат.

6. Отсылка к названию книги антрополога Андрея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение».

7. В 2024 году с разницей в несколько месяцев умерли бабушка и мать Евгения Затеева.

8. Адвокат Затеева Анастасия Пилипенко.

9. Неточная цитата из «Ромео и Джульетты» Шекспира в переводе Бориса Пастернака: «Что значит имя? Роза пахнет розой, / Хоть розой назови ее, хоть нет».

10. Неточная цитата из Фридриха Ницше.

11. Скорее всего, речь идет о компании Meta, которая владеет Facebook и Instagram. В 2022 году российский суд признал ее «экстремистской».

12. Адвокат Синельникова Андрей Чертков.

13. Валентин Хорошенин. Раньше Архипова уже приводила эти его слова в письме из СИЗО.

14. Адвокат Елена Шереметьева защищает Анну Архипову.

15. Адвокат Юлия Кузнецова защищает Василия Неустроева.

16. Неустроев.

17. Координатор челябинского отделения «Весны», получил убежище в Нидерландах.